

Россия и Польша: ОПЫТ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО СОСЕДСТВА

Материалы Международной научной конференции
г. Москва, 15 марта 2019 г.

Москва 2019

УДК 94(47)+ 94(438)
ББК 63.3(2)-64я431+63.3(4Пол)-64я431
Р768

Р768 Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства : материалы Международной научной конференции, г. Москва, 15 марта 2019 г. / под. ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. – Москва : МПГУ, 2019. – 440 с.

ISBN 978-5-4263-0849-7

Сборник содержит статьи участников Международной научной конференции, состоявшейся в Московском педагогическом государственном университете 15 марта 2019 г. Российские, польские и германские исследователи представили компаративистский анализ исторических путей развития России и Польши, а также исследования различных аспектов взаимовлияния, политических, культурных, конфессиональных отношений двух стран с раннего Средневековья и до начала XXI столетия.

Книга предназначена для исследователей, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся историей и культурой России и Польши.

**УДК 94(47)+ 94(438)
ББК 63.3(2)-64я431+63.3(4Пол)-64я431**

ISBN 978-5-4263-0849-7

© МПГУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Лубков А.В.

«Солярис» как образ будущего в произведениях
Станислава Лема и Андрея Тарковского 11

Леонов С.В.

Исторические пути развития России и Польши:
взгляд из XXI столетия 18

Ланцева А.М.

Гимнографическое наследие святого Войтеха-Адальберта
в контексте средневековых чешско-польских
межкультурных отношений. 42

Смирнов А.Г.

Роль западноевропейской культурной традиции
в формировании эталонной модели
польского рыцарства 55

Волков В.А.

«Вифлянская земля» (Ливония) в русско-литовских
и русско-польских конфликтах второй половины XVI в. 68

Амброзяк Т.

Восприятие Московского государства
поветовыми сеймиками Великого княжества Литовского
во второй половине XVI – первой половине XVII в. 82

Белоусов И.В.

Между волей и властью: южнорусские
и запорожские казаки в XVI–XVIII вв. 92

Ершов В.Ф.

Черкесская военная культура в Польше
XVI–XVIII вв. 98

Филина Е.И.

Польская политическая традиция и попытки
ее реализации в России в Смутное время. 111

Талина Г.В.

Россия и Речь Посполитая: взаимные претензии
на престол в XVII в. 120

Захаров В.Ю.

Политика «конституционной дипломатии»
Александра I в Польше и ее результаты 135

Ефремов А.В.

Глазами женщины: Польское восстание 1830–1831 гг.
по воспоминаниям графини Наталии Кицкой 149

Короткий Г.А.

М. Бакунин и польская политическая эмиграция 154

Ковалев Б.Н.

Феофил Попель и другие:
Польская политическая ссылка в Новгородскую губернию
после восстания 1863–1864 гг. 164

Симонова Т.М.

А. Мицкевич в русской культуре: от А.С. Пушкина
до русской эмиграции первой волны 175

Ерохина О.В.

Взаимовосприятие русско-польской аристократии
в первой половине XIX в. 188

Юдин Е.Е.

Европейские политические элиты и аристократия
западнославянских земель в Российской
и Австро-Венгерской империях накануне
и в годы Первой мировой войны 196

Цабай Я.

Холмская проблема в польско-российских отношениях
во второй половине XIX и в начале XX в. 219

Баконина С.Н.

Вопрос о церковном имуществе Варшавской епархии
Русской православной церкви, 1914–1922 гг. 230

Булдаков В.П.

1914 год: мировая война и российские поляки 241

Посадский А.В.

Вторая Речь Посполитая и Белое движение:
казус А.С. Карницкого. 256

Куреньшиев А.А.

Борис Викторович Савинков и Польша, 1889–1924 гг. 266

Дьячков В.Л.

Восприятие поляков и польского
Советским государством и обществом в 1917–1945 гг.
(тамбовский случай) 277

Деннингхаус В.

«В политическом отношении заподозрен
скрытым поляком...»: к вопросу
«национальной» мимикрии в СССР в 1920-е гг. 298

Хаустов В.Н.

Советско-польские отношения и их влияние
на положение поляков в СССР в 1920–1930-е гг. 313

Уль М.

Взгляды советского руководства
на германо-польские отношения в 1930-е гг. 324

Степанов А.С.

Польский фактор и Советский Союз в период
Мюнхенского кризиса. 331

Родионова Ю.В.

К вопросу о деятельности польских спецслужб
в 1939–1942 гг. 339

Сенявский А.С.

Поляки в Красной армии в 1944 г.:
к проблеме национальной идентификации. 353

Сенявская Е.С.

Русские и поляки в 1944–1945 гг.: встреча народов
и культур в экстремальной ситуации
военного времени 363

Невежин В.А.

Поляки на дипломатическом приеме в Кремле
(4 декабря 1941 г.) 378

Васильева В.В.

К вопросу о восприятии советской интеллигенцией
литературы и кинематографии
Польской Народной Республики. 389

Черемушкин П.Г.

Жизненный путь генерала Войцеха Ярузельского
в контексте советско-польских отношений
XX в. 399

Шетэля В.

К вопросу об отражении
польско-российских отношений
в учебнике для польских лицеев
по отечественной истории
Г. Михник и Л. Мослер (1961 г.) 419

Косулина Л.Г.

Польша в составе Российской империи:
основные проблемы в освещении
современных учебников
по истории России. 425

Лубков Алексей Владимирович,
*доктор исторических наук, профессор;
ректор Московского педагогического
государственного университета,
член-корреспондент Российской академии образования*

**«СОЛЯРИС» КАК ОБРАЗ БУДУЩЕГО
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТАНИСЛАВА ЛЕМА
И АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО**

Аннотация. В статье отмечаются влияние польского кинематографа на советский, связи Андрея Тарковского с Польшей и предыстория создания его произведения. Главное внимание уделяется анализу книги и фильма «Солярис». На этом материале выявляются общие и особенные черты образа будущего у Станислава Лема и Андрея Тарковского. Подчеркивается, что если у Лема этот образ был связан во многом с космосом, то у Тарковского – с землей, с поисками ответа на вечные человеческие вопросы.

Ключевые слова: Тарковский, Лем, Солярис, будущее, человечество, кинематограф, Польша

Lubkov Alexey Vladimirovich,
*Doctor of Historical Sciences, Professor;
Rector of Moscow Pedagogical State University,
Corresponding Member of Russian Education Academy*

**“SOLARIS” AS AN IMAGE OF THE FUTURE
IN THE WORKS STANISLAV LEM
AND ANDREI TARKOVSKY**

Abstract. The article notes the influence of Polish cinema on the Soviet, Andrei Tarkovsky's ties with Poland and the background of his work. The main attention is paid to the analysis of the book and the film “Solaris”. This material reveals the common and special features of the image of the future of Stanislaw Lem and Andrei Tarkovsky. It is emphasized that if Lem's image was associated largely with the cosmos, Tarkovsky's – with the earth, with the search for an answer to the eternal human questions.

Key words: Tarkovsky, Lem, Solaris, future, humanity, cinema, Poland

Я люблю очень Андрея Тарковского, и в данной статье, конечно, больше говорится о нем. Сама идея экранизации «Соляриса» появилась у него, безусловно, не случайно. По целому ряду оценок, этот роман является одним из лучших среди мировой фантастики. Радиопостановка, созданная по нему в Советском Союзе, экранизация самого Тарковского и позднее американская экранизация Стивена Содерберга – очень разные, говорящие о своем.

«Первоисточник» рисует образ будущего, где существует некая очень интересная планета Солярис: живой разум, который живет по своим законам, отрицающим законы небесной механики. То, что происходит на станции вокруг Соляриса, – это попытка писателя Станислава Лема показать, что будущее несет такие вопросы, на которые человечество не может дать однозначные ответы. Само это будущее, образ которого нарисовал Лем в своем произведении, – нечто неизведанное. Самое главное – это попытка человека раскрыть его тайну, тайну взаимоотношений с неизвестным и очень мощным явлением, которое изображено в виде разумного океана Солярис. Примечательно, что многие персонажи не имеют этнического происхождения. И сам образ будущего, и образы тех людей, которые живут на Солярисе, главных героев, продиктованы тем, что они являются «общими человеками», «общими» людьми вне национального, вне культурного контекста. По сути, они являются посланцами будущего и решают самую главную задачу – познания и встречи с неизвестным, оставаясь при этом верными своему человеческому призванию. Именно поэтому Крис остается на этой планете и пытается дальше войти в контакт с Солярисом. Это общая фабула того, что написал Станислав Лем.

Интересно, что Тарковский был связан с Польшей. Он не имел никакого отношения к дагестанскому селу «Тарки», и хотя многие говорят, что у него кавказские корни, его сестра – она живет напротив нашего университета – это отрицает. Она подтверждает, что у Тарковского польские корни. Его отец – замечательный русский поэт Арсений Александрович Тарковский – происходил из польского шляхетского рода. И до сих пор в Польше распространена фамилия Тарковский.

Когда Андрей Арсеньевич Тарковский в начале 1970-х гг. решил экранизировать «Солярис», у него за плечами уже было три фильма. Первый – это «Каток и скрипка» (1960), его дипломная работа. Второй фильм – «Иваново детство», который был выпущен в 1962 г. и сразу получил «Золотого льва» на Венецианском кинофестивале.

После «Иванова детство» в 1966 г. Тарковский закончил свой великий фильм, который называется «Страсти по Андрею», или «Андрей Рублев». Он долго не выходил на экраны, и с 1966 по 1972 г., когда вышел «Солярис», Тарковский пребывал в очень сложном состоянии. Он был лишен возможности снимать и пытался найти какую-то тему. Он хотел экранизировать «Идиота», у него были попытки выйти на экранизацию Томаса Манна и т.д. Он, лежа на диване, составлял в голове будущие сценарии своих фильмов: первого, второго, третьего. В своих дневниках он пишет, что, когда замысел уже полностью созрел, потом снимать для него было уже неинтересно. Творчески себя он уже реализовал, «лежа на диване». Это обломовское состояние продолжалось в течение, по сути, четырех-пяти лет, после которых ему все-таки разрешили снимать «Солярис».

Если роман Станислава Лема – прежде всего о будущем и о человеке в космосе, то фильм «Солярис» – это совершенно не о космосе, совершенно не о будущем. Это фильм о Земле и о человеке, связанном с Землей, который погружен в свой исторический, культурный контекст. Это с самого начала разделило режиссера и писателя. Станислав Лем жил в Москве и общался с Тарковским более полутора месяцев. Они сильно разругались, потому что то, о чем писал Станислав Лем в романе, и то, что сделал Тарковский в сценарии и затем в своем фильме, – это противоположные представления, смыслы и ценности. Сегодня нас не удивит тем, что экранизация или постановка даже классического произведения является вольной интерпретацией той или иной темы. Андрей Арсеньевич был одним из первых, кто именно таким образом использовал «первоисточник».

Тарковский показывает будущее как угрожающее явление. Он специально ездил в Японию и снимал автострады, которые

тогда можно было снять только там. Проезд Криса по ним занял несколько минут экранного времени, и эти автострады были показаны как реальный образ будущего.

Сама станция, где через какое-то время он появляется, находится в полузаброшенном состоянии. Крис – которого играет великий литовский и советский актер Донатас Банионис – встречается с вполне конкретными людьми, у которых есть свои истории и реальные биографии: Снаутом, Сарториусом и Гибаряном. И сам фильм начинается не с космоса, не с океана, а с разговора на той прекрасной Земле, которую Крис покидает для того, чтобы разобраться, – он психолог, – что же происходит с людьми на этой станции. Кадры Земли идут под хоральную прелюдию Баха. Это была последняя работа с Тарковским оператора Вадима Ивановича Юсова. (Уже «Зеркало» он снимал с Г. Рербергом.) Он дает панораму земли, речку, плакучие ивы, камыши, воду, которая переходит из живого состояния в застывшее, колышущуюся траву, и за кадром звучит Бах. Есть лошадь, мальчик и девочка, туман. Эти кадры Тарковского и Юсова стали цитатами, кочевали затем из фильма в фильм. Это типичный Тарковский в уже зрелом состоянии, любой его кадр, с кем бы он его ни снимал, можно идентифицировать как кадр Андрея Арсеньевича. Интересно, что снимали эти кадры земли под Звенигородом. Это место, когда въезжаешь в Звенигород, находится с левой стороны, по мосту. Там была построена декорация дома, и это все он тоже вписал в свою историю.

Тарковский сознательно идет на разрушение фабулы, которая представлена в романе. Он считает, что человек сам по себе и есть та вселенная, в которой необходимо разобраться. Отсюда вопросы морали, вопросы философии, памяти ставятся им во главу угла. Важные образы связаны с ушедшей любовью, с трагедией, которую пережила Хари. Она появляется то в одном, то в другом облики, то в третьем. В конце концов через любовь к этому существу, которое не является человеком, но которое очеловечивается в результате общения и возвращения друг к другу через любовь, и проявляется то самое главное, ради чего Крис приехал на эту станцию. Устанавливается контакт, и Солярис отвечает на него.

Солярис-океан отвечает на контакт именно через любовь, через то, что главные герой и героиня обретают в этих нечеловеческих космических условиях самое человеческое, самое высокое чувство, – это практически его финал.

Есть еще второй финал, который связан с аллюзиями на Рембрандта, «Возвращение блудного сына». Это уже концовка фильма, когда Донатос Банионис встает перед Гринько, перед своим отцом на колени. Итог таков: космос – ничто, все главное происходит здесь, на Земле, и происходит в нашей памяти. Тарковский цитирует Лема, но звучит это цитирование совершенно по-иному. Смысл заключается в том, что человеку не нужен космос, человеку нужен человек, ему нужно зеркало. Кстати говоря, «Зеркало» – это уже следующий его фильм. Это ключевая для него тема человеческой памяти, и очень важно в этой памяти разобраться и понять, что она несет для человека в настоящем и в будущем.

Фильм «Солярис» интересен и тем, что здесь представлены – особенно в известной сцене зависания корабля над станцией, когда он меняет свою траекторию и за кадром звучит музыка Баха, – те артефакты, которые говорят о неразрывной связи человека и Земли. Прежде всего это картины Брейгеля, это «Дон Кихот», это другие произведения, которые очень дороги были самому Андрею Арсеньевичу Тарковскому. И это как раз показывает, что он делал фильм не по Станиславу Лему, а по извечным человеческим вопросам.

Лем очень болезненно отреагировал, он не принял этот фильм, хотя тот прошел очень широко. Более того, это самый успешный в прокате фильм Тарковского в Советском Союзе и за рубежом. Фильм не получал никаких «золотых», «пальмовых ветвей». И между тем он был отмечен зрителями и критикой. Для Тарковского этот фильм был переходным этапом к его последующим картинам, где наблюдался уход в глубины человеческой вселенной, раскрытие неисчерпаемости человеческого пространства души. Это уже совсем философские вещи. Они привели его к последующим фильмам: «Сталкеру» (1979), «Жертвоприношению» (1986) и «Ностальгии» (1983), где основой его киносозерцания стали христианские, религиозные, метафизические идеи.

Почему я решил поставить рядом два выдающихся произведения Лема и Тарковского? Я бы не хотел все сводить к тому, что один пишет об одном, а другой его переиначивает и говорит о человеке, его внутреннем мире, о моральных ценностях, о Боге, – потому что «Солярис» тоже возможно интерпретировать как Бога, так же как и Зону в «Сталкере». Это тоже встреча с нравственным абсолютом, встреча с Богом. Потом у Тарковского это красной нитью прошло и через «Жертвоприношение», и через «Ностальгию». Но там Бог не имеет никакой объектности, он прежде всего внутри нас самих. Это человеческая совесть, это та культурная национальная память, которую переживают герои Тарковского. Но вместе с тем сопоставление очень интересное, потому что неслучайно идет отталкивание именно от польского произведения. Дело в том, что вообще польская тема была очень близка российскому кинематографу 1960–1970-х гг.

Великие польские режиссеры, так называемые представители польской волны: прежде всего Анджей Вайда, Ежи Кавалерович, Анджей Мунк, Кшиштоф Занусси и Кшиштоф Кесьлёвский – несли в себе в 1960-е гг. (а Вайда еще в 1950-е) тему нравственного беспокойства. Это было связано с тем историческим опытом, который они имели в период Польской Народной Республики. Нелучайно Анджей Вайда ушел в оппозицию. Кавалерович поставил замечательную картину «Загадочный пассажир», таинственный фильм с прекрасной музыкой почти однофамильца Тарковского Анджее Тшасковского. Этот фильм до сих пор остается одной из загадок всего европейского кино. Потом Ежи Кавалерович снимал такой фильм, как «Мать Иоанна от ангелов», и там тоже был вопрос, прежде всего религиозный, хотя режиссер сам был коммунистом. Сама тема нравственного выбора, морального беспокойства была очень близка нашим режиссерам.

Помимо Тарковского можно назвать Илью Авербаха, и прежде всего его замечательный двухсерийный фильм «Объяснение в любви», где играла его любовь – Эва Шиккульска, а также Ангелина Степанова и Бруно Фрейндлих. До этого он снял еще два выдающихся произведения, где тема нравственного беспокойства

звучала очень остро. Это фильм «Монолог», где играли Михаил Глузский и молодая Марина Неёлова, с замечательной музыкой О. Каравайчука, а также не менее выдающееся произведение «Чужие письма», где играли Ирина Купченко и Олег Янковский. В чем-то биографии двух режиссеров похожи. Они ушли, когда Тарковскому было 54, а Авербаху – 52 года. Видимо, чувствуя конечность своего существования на земле, они пытались предостеречь зрителей и потомков от тех надвигающихся проблем, которые они уже тогда как художники осознавали, – прежде всего от того, что человеческое уходит из человека. Разумеется, были и социальные, и политические вопросы. В «Чужих письмах» эта тема также важна, и главный посыл заключается в том, что нельзя читать чужие письма – только потому, что они чужие, что у человека есть личное пространство, которое нельзя нарушать.

Это уважение к человеческой личности. Это то, о чем мы говорили недавно, открывая конференцию памяти Я. Корчака, что две его заповеди должны быть для нас, для педагогов, святыми: это уважение и любовь к детям. Уважение к их незнанию, и через это уважение мы передаем миссию познаваемости мира и любви. И то же самое, по сути дела, заложено в вышеназванных картинах, которые до сих пор входят в Золотой фонд отечественной кинематографии. В связи с темой морального беспокорства нельзя не упомянуть и о том, что в 1960-е, 1970-е гг. для нас существовал еще и польский рок, польская музыка. Все мы знали бессмертную песню «Червонных гитар», которую пел Северин Краевский, «Не успокоимся», для советской аудитории она несла свои смыслы.

Тот диалог, который происходил в пространстве кинематографа и литературы, а также в более широком контексте нашего взаимовлияния, взаимопроникновения, нашей любви и отчасти ненависти, состоял из тех страстей, которые были прописаны еще у Гоголя и у Достоевского. При этом важно помнить: мы как соседи всматриваемся друг в друга. Когда мы пытаемся понять себя, нам нужно зеркало. Наша история и наша культура – это и есть то зеркало, в которое и посмотримся мы: русские и поляки.

Леонов Сергей Викторович,
*доктор исторических наук;
профессор кафедры истории
Института
социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ И ПОЛЬШИ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI СТОЛЕТИЯ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу важнейших тенденций, общих и особенных черт истории России и Польши. Отмечается, что в раннее Средневековье, за исключением конфессионального фактора, уровень и тип развития двух стран были близки. С XIII в. их пути принципиально расходятся. С XVI столетия на фоне качественных, цивилизационных различий у них появляются и отдельные общие черты в виде крепостного права, многонационального характера государства, а также стремления к доминированию в Восточной Европе. Вхождение в состав Российской империи оказалось болезненным для Польши, ее национального сознания, но подтолкнуло развитие индустрии. После обретения независимости, в 1918–1938 гг., пути развития двух стран кардинально разошлись. В послевоенный период из-за принудительной советизации Польши они вновь стали сближаться. Крушение социализма, начало рыночных реформ, казалось, закладывали новую основу для сближения двух стран, но с середины 1990-х и особенно с 2000-х гг. пути их развития вновь разошлись.

Ключевые слова: Польша, Русь, Россия, пути развития, сравнительно-исторические исследования

Leonov Sergey Viktorovich,

*Doctor of Historical Sciences;
Professor of the Department of the History,
Institute of Social Studies and Humanities,
Moscow Pedagogical State University*

HISTORICAL WAYS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIA AND POLAND: A VIEW FROM THE XXI CENTURY

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the main trends, general and special features of the history of Russia and Poland. It is noted that in the Early Middle Ages, with the exception of the confessional factor, the level and type of development of the two countries were close. From the XIII century their paths diverge fundamentally. Since the XVI century, against the background of qualitative differences, they have some common features in the form of serfdom, the multinational nature of States, as well as the desire to dominate in Eastern Europe. Joining the Russian Empire proved to be a disease for Poland, its national consciousness, but pushed the development of industry. After independence, in 1918–1938, the ways of development of the two countries radically diverged. In the post-war period, due to the forced sovietization of Poland, they again began to converge. The collapse of socialism, the beginning of market reforms seemed to lay a new Foundation for the rapprochement of the two countries, but since the mid-1990s and especially since the 2000s, the paths of their development have diverged again.

Key words: Poland, Russia, development paths, comparative historical research

Кроме Польши за пределами бывшего СССР нет другой страны, исторические судьбы которой демонстрировали бы столь же длительное и тесное взаимопереплетение с Россией и в то же время такое острое соперничество, отталкивание от нее. Если применительно к XVIII–XX вв. нечто похожее можно сказать и о Германии, то относительно всей, более чем 1150-летней истории Руси – лишь о Польше. В настоящее время наши страны, кажется, объединяет лишь распространенность в них взаимных негативных стереотипов. Однако это поверхностное впечатление. У России и Польши

глубокие общие корни и завораживающие, прихотливые, трагико-героические истории. У обеих стран сохраняются некоторые черты типологического сходства в культуре¹, а также в национальном характере. Хотя его изучение является самостоятельной проблемой и затруднено политико-идеологическими факторами, а также доведенными порой до абсурда требованиями «политкорректности», представляется, что в этой сфере нас объединяют такие черты, как эмоциональность; талантливость; приспособляемость; дар импровизации; относительная необязательность и неорганизованность, даже безалаберность; патриотизм, порой граничащий с ксенофобией, и в некотором смысле мессианство; бытовая хитрость и недоверие к государству, сильные личные – дружеские, родственные – связи; любовь к застолю и выпивке; двойственное, «восторженно-критическое» отношение к Западу и т.д.

«Спарены судьбы», – подметил особенность России и Польши Г.Д. Гачев [6, с. 40]. Лишь непредвзятый конкретно-исторический, компаративистский анализ позволяет увидеть многообразие взаимоотношений, выделить сходство и различие исторических путей наших стран и народов.

Обе страны издавна объединяли окраинное, отдаленное от важнейших центров положение в Европе; соседство и многообразные контакты между собой; но главное – единые истоки. К ним можно отнести славянство, язычество (общий пласт которого – помимо индоевропейских корней, культа Сварога, а также упырей, вурдалаков и прочей «совместной» нечисти – из-за скудости источников остается малоизученным) [29, с. 52, 80–104, 162–183, 319, 320], старославянский язык и, разумеется, историю.

¹ Славянство как феномен мировой культуры обладает такими общими чертами, как пограничность, переходность или синтезность, относительные – на фоне Западной Европы – традиционность и устойчивость, отсутствие военного эпоса как завоевательных походов и т.д. [14, с. 6, 7]. Российская и польская культуры, несомненно, европейские и в то же время – самобытные, проникнутые социальными мотивами, наиболее развитыми их сферами традиционно выступали литература, музыка, театр и кинематограф.

Территория Польши (Висло-Одерский регион) является наиболее вероятным местом вычленения праславян, происходившего в середине I тыс. до н.э. и ассоциируемого с археологическими культурами подклешевых погребений и поморской (последняя, по-видимому, относилась к периферийным балтским, но участвовала в этногенезе славян) [49, с. 44–51, 76; 50, с. 6, 20, 25, 31, 68–79, 88, 124, 129, 134, 135]. Однако сколько-нибудь достоверно мы можем судить об истории славян лишь с V–VI вв. н.э.: с формирования славянского языка, с пражско-корчакской, суковско-дзедзитской (лехитской), пеньковской культур и особенно с расселения славян. Оно к рубежу VII–VIII в. привело к разделению славян на западных и восточных (а также южных) [1, с. 24, 26, 31, 33, 325; 44; 50, с. 205–402, 431–472, 525–574].

Восточные славяне распространились по обширной Восточно-Европейской равнине, с густой сетью рек, удобных для передвижения, по соседству с немногочисленными и относительно неагрессивными балтскими и финно-угорскими племенами. Все это позволило восточным славянам расселиться на огромных просторах, на границах со степью и на важном водном пути в Византию (вдоль которого в итоге и сформировалось государство Русь). Западные же славяне оказались в условиях, когда сама география: на севере – Балтийское море, на юге – Карпатские и Судетские горы, а на западе – многочисленные и могущественные соседи германцы² – воспрепятствовала столь же широкому расселению и не позволила им преодолеть относительную периферийность в Европе. Более того, горы способствовали разделению западных славян на поляков, чехов и словаков [13, с. 39, 40].

Великопольская хроника содержит сюжет о трех братьях: Лехе, Русе и Чехе – как прародителях соответствующих народов.

² В I в. н.э., по некоторым оценкам, германцы насчитывали уже 3–4 млн чел., во II в. н.э. они начали Великое переселение народов (существенно опередив славян) и сыграли в нем наиболее активную, возможно, решающую роль. Примечательно, что, в отличие от славян, кельтов и т.д., германские племена не назывались по рекам в силу своей склонности к миграциям [2, с. 7, 8, 41, 49, 155].

Он не имеет серьезного научного значения, но отражает народную традицию – память о единстве происхождения, этническом родстве была важным элементом сознания славянских народов в раннее Средневековье [см.: 4, с. 52, 204; 20, с. 16; 21, с. 204–220]. (Правда, отчасти здесь могло сказаться и стремление польской элиты к союзу с Великим княжеством Литовским – к налаживанию контактов с его православным населением [14, с. 369].) Хотя в Польше идея славянского единства была, возможно, менее популярна, чем в других славянских странах, в первой половине XIX в. она пережила настоящий расцвет, а в том или ином виде эта идея сохранялась все XX столетие [57, с. 64–75].

Общее родство имело массу конкретных проявлений. В раннее Средневековье одним из ключевых союзов племен, затем племенных княжений в обеих странах были поляне. (Они и дали название Польше.) Разделение этого и ряда других племенных союзов стало результатом расселения славян. По свидетельству «Повести временных лет», радимичи и вятичи также имели «ляшское» происхождение. «Радимичи бо и вятичи от ляхов» [42, стб. 6, 12]. На основе современных данных археологии и лингвистики, к выходцам из племенной группы, родственной суковско-дзедзитским или ляшским славянам, по-видимому, можно отнести кривичей, словен ильменских и славян Ростово-Суздальской земли, но не вятичей (те вышли из среды антов) [50, с. 347, 362, 363, 371, 372, 393, 397, 525; 58, с. 110, 111]. Подобно тому как в Польше существует историческая область Куявия, в Южной Руси, по данным арабских источников, была Куявия или Куябия, причем этот топоним идентифицируется с Киевом. С. Роспонд предположил, что он происходит от польского или украинского обозначения «песчаный» или «крутой холм», но эта версия подвергается критике некоторыми отечественными исследователями, по-прежнему возводящими название города к легендарному Кию [37, с. 373–390].

В схематическом, общем виде на некоторые из черт типологического сходства средневековых Руси и Польши обращалось внимание в отдельных работах советских и российских историков [см.: 7; 20; 45; 48 и др.]. Наше недавнее исследование показало

уникальную схожесть ключевых тенденций и этапов развития Руси и Польши в раннее Средневековье [27, с. 94–100]. В данной работе соответствующий сравнительно-исторический анализ углублен и хронологически расширен.

Наличие феодализма на Руси является давней дискуссионной проблемой. Ситуация усугубляется тем, что само понятие «феодализм» начало пересматриваться на Западе [8, с. 9–26; 40, с. 161–170; 47, с. 5–55; 48, с. 4–15; 53 и др.]. Однако все зависит от дефиниции. Как представляется, данный термин вполне применим к Руси, если рассматривать его в широком смысле, – понимая под ним аграрное и сословное, корпоративное общество (где ведущими сословиями выступают феодалы и зависимые крестьяне), с вассалитетом (не обязательно с вассально-ленными, но с договорными, служилыми отношениями между феодалами) и с господством религии (христианства) в духовной сфере. Такое определение открывает широкие возможности для сравнительно-исторических исследований.

Русь и Польша относились к числу бессинтезных стран, где генезис феодализма шел только за счет разложения родоплеменного строя славян, без синтеза с античными отношениями, как в Западной Европе. Это породило ряд других его особенностей. В результате в раннее Средневековье обе страны – помимо крайне малого количества источников – объединяло позднее и почти одновременное возникновение вотчинной собственности знати (на Руси – XI в., в Польше, по-видимому, к XII в.) [16, с. 148; 48, с. 271, 272, 301], замедленное ее развитие, а также наличие «служебной организации», т.е. корпоративной, централизованной эксплуатации крестьян путем обложения их государственной податью. Вассальные отношения в обеих странах носили главным образом не поземельный, а служебный и не индивидуальный, а коллективный или корпоративный характер – коллективным вассалом князя выступала поначалу дружина. Роль государства на Руси и в Польше была в целом большей, чем в Западной Европе в ту эпоху. (В Польше до XII в. государству подчинялась даже церковь.) Большинство крестьян в двух странах в XI–XII вв. оставались лично свободными.

В Англии, например, согласно «Книге Страшного суда» 1086 г., свободными оставались лишь 12% крестьян [17, с. 19; 48, с. 123, 124, 262, 299, 300 и др.]. Таким образом, по сравнению с Западной Европой, генезис феодализма на Руси и в Польше носил замедленный и специфический характер. В XI–XII вв. здесь наблюдалось не оформление, а лишь зарождение, ранняя стадия феодальных отношений.

При этом между обеими странами проявлялись удивительные черты сходства. Создание сколько-нибудь стабильной государственности в них шло практически синхронно. Оно датируется серединой IX – X в. На Руси решающим импульсом для этого послужило призвание Рюрика в 862 г., а оформилось государство при Владимире Святославиче (980–1015). Польское государство создано при Мешко I (ок. 960–992) и оформилось при Болеславе I Храбром (992–1025). Зарождению государства как на Руси, так и в Польше, по мнению ряда исследователей двух стран, в существенной мере помогли интересы широкой транзитной торговли, точнее, контроля за ее узловыми пунктами. Это укрепляло положение знати, ускоряло разложение родоплеменного строя и создало костяк формирующегося государства³. Характерными особенностями обеих стран являлось то, что раннесредневековые государства в них являлись своего рода коллективными владениями одной династии – Рюриковичей и Пястов.

Весьма примечательно, что принятие христианства – послужившее важнейшим, этапным событием для всех европейских стран – с учетом приблизительности датировки этих событий произошло практически одновременно: на Руси – в 988, а в Польше –

³ Стремление укрепиться в ключевых пунктах транзитной торговли между странами Восточной и Западной Европы играло важную роль во внешней и внутренней политике Руси и Польши. Об этом «ярко свидетельствуют знаменитые слова Святослава Киевского: “Не люблю ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переславци на Дунай, яко то есть середя в земли моей, яко ту вся блага сходятся <...> Изменения в балтийской транзитной торговле в известной мере способствовали переносу центра польской политической жизни из Великой в Малую Польшу, из Познани в Краков», начавшемуся при Болеславе Храбром и завершившемуся при Казимире I [20, с. 344, 345].